
Николай Подосокорский

ОБРАЗЫ «ТАЛЕЙРАНОВ» И НАПОЛЕОНОВСКИЙ МИФ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Рубеж XVIII—XIX столетий имел все признаки «мифологической» эпохи. На глазах у современников легендарный ореол приобретали многие выдающиеся деятели политики и искусства, их имена превращались в символы, знакомые всем и каждому. Наиболее известным персонажем того времени был Наполеон, который, по словам Ж. Тюлара, «стал мифом, доступным любому "прочтению" (разрушителем феодализма — для Маркса, закомплексованным младшим ребенком в семье — для Фрейда) и оживляющим другие мифы: о женщинах (фривольная Жозефина, коварная Мария Луиза, трогательная Мария Валевская), о Талейране — князе дипломатов, о Фуше — основателе современной полиции, об отставных военных (Бюго, Бро, Фабье, Пуже) и других, обреченных, подобно Паркену, на скуку или плетение заговоров, о снedaемом чахоткой Орленке — Даме с камелиями — и наконец, о Революции, которую "Мемориал" превратил в событие, растянувшееся от взятия Бастилии до победы под Аустерлицем»¹.

Французский государственный деятель Шарль Морис де Талейран-Перигор, епископ Отенский (1788—1791), князь Беневентский (1806—1815), герцог Дино (с 1815) был, несомненно, одной из самых ярких фигур наполеоновского окружения. Пара «Наполеон и Талейран» вошла в литературу как противопоставление «самовластительного» творца европейских событий императора Наполеона коварному и осторожному дипломату Талейрану, который всегда следовал за событиями, извлекая из них

выгоду. Д.С. Мережковский даже полагал, что «они связаны, как Фауст и Мефистофель, человек и его потусторонняя “тень”: самое не-сущее прилипло к самому сущему»². Еще при жизни мастерство интриги, тонкий и обширный ум, поразительная проницательность и остроумие, необыкновенная хитрость, непомерное корыстолюбие и полное забвение моральных норм сделали имя этого епископа-расстриги нарицательным как в обыденной речи, так и в сочинениях писателей, поэтов, публицистов, мемуаристов, историков.

Ф.Р. де Шатобриан называл Талейрана «беспутным по натуре и легкомысленным по духу»³ и видел в нем воплощение современного «порока»⁴. Графиня А. Потоцкая писала о нем как о человеке «пресыщенном и разочарованном, жадном до успехов, бесхарактерном и беспринципном, одним словом — нездоровом и душой, и лицом»⁵. П.-Ж. Беранже считал, что «в нем не было ничего возвышенного, ничего глубокого, ничего великодушного; эгоист в высшей степени, он признавал свою личную пользу единственным двигателем даже в делах политических...»⁶. Г. Гейне называл Талейрана «мастером разложения, Нестором лжи, клятвопреступником двух веков»⁷. Через несколько дней после смерти Талейрана в 1838 г. В. Гюго писал, что он как паук в своей паутине привлекал в свой дворец и забирал героев, мыслителей, великих людей, завоевателей, королей, принцев, императоров и всех золотых и блестящих мух, которые жужжали в истории последних сорока лет⁸. Имя Талейрана многократно появляется на страницах романов и повестей О. де Бальзака: «Гобсею» (1830), «Евгения Гранде» (1833), «Отец Горио» (1835), «Брачный контракт» (1835), «Дочь Евы» (1838), «Музей древностей» (1838), «Альбер Саварюс» (1842), «Мнимая любовница» (1842), «Онорина» (1843), «Утраченные иллюзии» (1837—1843) и др. Бальзак рассматривал незаурядную личность Талейрана в сложном единстве относящихся к ней исторических фактов, легенд, преданий и анекдотов. Некоторых своих героев он наделил чертами внешнего облика Талейрана, иных сравнил с известным дипломатом по причине сходства характеров. Талейран появляется и в художественных произведениях писателей «второго ряда», причем иногда подспудно — в сценах, построенных на загадках и узнавании, например как «хитрый хромой»⁹ в романе А. де Латуша «Фраголетта, или Неаполь и Париж в 1799 году» (1829).

В России образ Талейрана занимал умы литераторов на протяжении многих десятилетий. Первоначально основное внимание уделялось образу исторического Талейрана, хотя и ставшему символом ловкости и хитрости известного рода (Ф.Ф. Вигель, например, называл Талейрана «старым обманщиком»¹⁰). В первой половине XIX в. феномен Талейрана пытались объяснить при помощи аналогий с другими политическими деятелями. Например, А.С. Пушкин сравнивал Талейрана с деятелем Фронды, автором известных мемуаров кардиналом Ф.П. Рец¹¹, а М.Ю. Лермонтов сближал его с австрийским канцлером К.В.Л. Меттернихом: талейрановскую и меттерниховскую способность «увернуться от решительного ответа» приписал Печорину один дипломат в романе «Княгиня Лиговская»¹². Позднее, наоборот, уже современных деятелей стали объяснять за счет аналогий с Талейраном. Подобно тому, как В. Гюго своим памфлетом ввел в употребление прозвище «Наполеон мальй»¹³, перекочевавшее в литературу и политику, А.И. Герцен в «Былом и думах» заговорил о «маленьком Талейране», под которым имел в виду премьер-министра Сардинского королевства К.Б. Кавура¹⁴.

И.С. Тургенев первым в русской литературе заговорил о Талейране уже не только как об историко-мифологической личности, но и как о специфическом типе характера современного человека. В комедии «Месяц в деревне» (1850) он вывел такой литературный тип в лице доктора Шпигельского, которого символически называют «уездным Талейраном»¹⁵, «большим дельцом»¹⁶ и «господином дипломатом»¹⁷. В характере Шпигельского отмечена склонность к интригам, злоязычие, жажда обогащения. «...Не только из пятнадцати, изо ста тысяч; а чужому я из-за куля муки низехонько поклонюсь»¹⁸, — откровенно заявляет этот персонаж. Позднее Тургенев вновь использовал сравнение литературного героя с Талейраном в повести «Затишье» (1854), где Веретьев называет «Талейраном этаким»¹⁹ Стельчинского за притворство последнего. А.Ф. Писемский вслед за И.С. Тургеневым в романе «Тысяча душ» (1858) также использовал имя Талейрана для обрисовки портрета князя Ивана, который, подобно Шпигельскому, является носителем литературного талейранизма. Так, один из персонажей, уважающий деловитость князя, выражался о нем: «Талейран, сударь, нашего времени, Талейран».²⁰ Позднее дань талейрановскому мифу отдал и Л.Н. Толстой: в романе «Анна Каренина» с лукавым дипломатом сравнивал себя Вронский²¹.

Символическое имя Талейрана широко использовалось писателями и критиками и в качестве емкой характеристики применительно к своим литературным оппонентам. В.Г. Белинский так отзывался о Н.В. Гоголе: «Это — Талейран, кардинал Феш, который всю жизнь обманывал Бога, а при смерти надул сатану» (письмо В.П. Боткину от 28 февраля 1847 г.). И.С. Тургенев в письме И.А. Гончарову от 19 апреля 1859 г., наоборот, просил не считать его «таким Талейраном, что уу!»²². Н.С. Лесков называл «московским Талейраном»²³ М.Н. Каткова и т.д.

У Достоевского тема талейранизма, как сочетания особых морально-этических качеств и поведенческих особенностей, проходит через целый ряд произведений. Талейран в сознании писателя представлял собой нераздельное и неслиянное единство исторической и мифологизированной личности, реального лица и разновидности характера современного человека. Достоевский не был знаком с мемуарами Талейрана, которые впервые вышли в свет лишь в 1891 г., но для того, чтобы лучше узнать личность французского дипломата, у него было много других источников: без характеристики его образа не обходился ни один серьезный труд по французской истории конца XVIII — первой четверти XIX вв. в целом и наполеоновской эпохе в частности, а Достоевский, как известно, был весьма начитан в этом предмете²⁴. Параллельно с, так сказать, «исторической» традицией рассмотрения образа Талейрана как сугубо политического деятеля, на него, столь же сильно, если не еще сильнее, оказала влияние традиция «литературная» (О. де Бальзак, Г. Гейне, И.С. Тургенев и др.), в которой Талейран выполняет также и другую функцию, являясь отвлеченным обозначением типа современного героя. Нельзя не принимать в расчет и того, что какие-то сведения анекдотического или легендарного характера о Талейране могли стать известными писателю и из устных рассказов. Талейран славился как мастер афоризмов, которыми любили украшать свою речь многие образованные люди того времени. Некоторые из таких метких изречений князя Талейрана Достоевский приводит в своих публицистических работах. В «Ряде статей о русской литературе» во второй статье трактата «Книжность и грамотность» (1861) он писал от лица воображаемого «сиволапого мужика»: «“Нет, подлинно счастье, что я не получил университетского образования (это я все продолжаю про себя думать), и потому ничего это-

го теперь не понимаю. А то бы, при университетском-то образовании, помянул бы вам одно словечко князя Талейрана: "Pas de zèle, messieurs, surtout pas de zèle!"²⁵. Ну да ведь вы знаете анекдот лучше меня, мужика"...» (19; 35). В обзоре «Иностранные события» для журнала «Гражданин» (1873) писатель вновь упомянул талейрановское остроумие: «Если не изменяет нам память, кажется, Людовику XVIII-му при въезде его в Париж в 1814 году, после долгого отсутствия, придумано было князем Талейраном словцо: «Rien n'est changé, il n'y a qu'un français de plus» («Ничто не изменится. Стало только одним французом больше»)» (21; 183).

Образ Талейрана изначально имел для Достоевского вполне определенное символическое значение. Интерес к этому образу сохранялся у него почти на протяжении всего творчества. Впервые Достоевский употребил имя Талейрана, как символ ловкости и изворотливости в достижении поставленных целей, в своем переводе романа О. де Бальзака «Евгения Гранде». Бальзак в первой главе романа назвал Талейраном одного второстепенного персонажа: «Со стороны Крюшо старик-аббат, Талейран этого семейства, опираясь на своего брата-нотариуса, бодро оспаривал позицию у банкирши и пытался уберечь богатое наследство для своего племянника, председателя суда»²⁶. (Ср.: «Du côté des Cruchot, l'abbé, le Talleyrand de la famille, bien appuyé par son frère le notaire, disputait vivement le terrain à la financière, et tentait de réserver le riche héritage à son neveu le président»). Достоевский перевел фразу о Крюшо-Талейране таким образом: «Со стороны же Крюшо работал их аббатик, Талейран в миниатюре...»²⁷. Нарочитое уменьшение героя, сравниваемого с выдающейся исторической личностью, является характерным приемом в позднейших произведениях Достоевского, который при помощи комического эффекта, вызванного снижением образа героя, всегда создает известного рода дистанцию между реальным историко-мифологизированным деятелем (Петр I, Остерман, Наполеон, Талейран, Ротшильд, Гарибальди, Бисмарк и др.) и его литературным подобием.

В 50-е гг. Достоевский, так же как Тургенев и Писемский, употребил имя Талейрана как образное обозначение для специфического типа современного человека, наделенного особым набором пороков и способностей. В письме к А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. он замечал о жителях Барнаула: «О барнаульских я не пишу Вам. Я с ними со многими познакомился; хлопотливый город, и

сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!» (28, I; 252). Это не стало для него случайно брошенной фразой — типы таких «доморощенных Талейранов» писатель подробно изобразил в своих художественных произведениях. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» дядя Егор Ильич Ростанев, представленный как «натура решительно всем довольная и ко всему привыкающая» (3; 5), говорит своему племяннику о возможности сделаться Талейраном «поневоле»: «Знаешь, брат, надо хитрить. Поневоле Талейраном сделаешься» (3; 40). Здесь имя князя Беневентского всплывает как указание на определенное свойство, которого герою явно не хватает, а именно — умение «хитрить»; и в качестве образца для подражания в «науке» хитрости герой выбирает знаменитого Талейрана, который в массовом сознании почти отождествился с хитростью и коварством.

В романе «Униженные и оскорбленные» князь Валковский дважды упоминает это же имя в обращении к Ивану Петровичу как символ необыкновенной осведомленности в чужих делах и секретах, как способность «поддеть» другого человека этой своей осведомленностью (3; 367). Как символ остроумия имя Талейрана наравне с именем французского поэта А. Пирона называет Аркадий Долгорукий в романе «Подросток»: «Я, может быть, остроумен; но вот подле меня Талейран, Пирон — и я затемнен, а чуть я Ротшильд — где Пирон, да может быть, где и Талейран?» (13; 74).

Однако в наибольшей полноте символ Талейран в произведениях Достоевского раскрывается в романе «Идиот» в образе Лебедева. Талейрановская тема напрямую связана с темой наполеоновской, которая занимает в «Идиоте» весьма значительное место²⁸. И это не удивительно, ведь этот роман создавался писателем за границей, накануне 100-летия со дня рождения Наполеона I, празднование которого во Второй империи приходилось на 1869 год. Имя Наполеона в то время просто «витало в воздухе», и Достоевский не мог остаться совершенно в стороне от соответствующих общественных настроений. 26 августа 1867 г. жена писателя даже посетила деревушку Pregny недалеко от Женевы, «где жила Жозефина после своего развода с Наполеоном»²⁹. О своих впечатлениях от этой прогулки она тотчас же по приходе рассказала мужу, и тот, по ее словам, выразил желание отправиться туда снова вместе³⁰. Важно подчеркнуть, что эта прогулка А.Г. Достоевской состоялась как раз в пятьдесят пятую годовщину Бородинского сра-

жения, дату которого Достоевский, сын лекаря Бородинского пехотного полка, надо полагать, помнил всегда. Этими впечатлениями, возможно, было вызвано упоминание имени Жозефины в романе «Идиот», но таких впечатлений, вероятно, было гораздо больше, причем в связи с различными лицами, входящими в окружение Наполеона.

О своем талейранизме Лебедев сам сообщил князю Мышкину накануне венчания последнего: «Когда он пришел потом, почти уже в день свадьбы, к князю каяться (у него была неприменная привычка приходить всегда каяться к тем, против кого он интриговал, и особенно если не удавалось), то объявил ему, что он рожден Талейраном и неизвестно каким образом остался лишь Лебедевым» (8; 487). К подобным признаниям героев Достоевского надо отнести предельно внимательно, тем более, что это признание сделал никто иной, как Лебедев, знаток «имен исторических» и того, где их найти «можно и должно» (8; 8). Взгляд на хитрого героя, как на рожденного Талейраном, можно найти еще у Г. Гейне. В стихотворении «Подслушанное» (1853—1854) в разговоре двух богатых гамбургских евреев один из них признается другому:

Мой шурин — очень большой шутник
Сказал мне вчера за стаканом:
О мудрый Екеф! Тебя Господь
Родил самим Талейраном!..³¹

Лебедев в роли Талейрана создает подобие «наполеоновского окружения» князя Мышкина, утверждая тем самым еще одну ипостась этого многосоставного образа. Необходимо заметить, что сравнение «Мышкин-Наполеон» ни в коем случае не отменяет, но, наоборот, дополняет и помогает лучше понять другие стороны его противоречивой натуры: «Князь Христос», «Дон Кихот», «рыцарь бедный», «мистер Пиквик» и др. Сам Мышкин признавался в том, что у него беспрерывно сходятся вместе «двойные мысли» (8; 258), объясняя это общим воздействием эпохи XIX века, сильно усложнившей мировоззрение человека прежних столетий: «...тогдашние люди (клянусь вам, меня это всегда поражало) совсем точно и не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь, в наш век, право, точно порода другая... Тогда люди были как-то об одной идее, а теперь нервнее, развитее, сенситивнее, как-то о

двух, о трех идеях зараз... теперешний человек шире, — и клянись, это-то и мешает ему быть таким односоставным человеком, как в тех веках...» (8; 433). Симптоматично, что, как отмечено в комментариях (9; 456), слова князя о старых и новых поколениях перекликаются с лермонтовскими строками из стихотворения «Бородино» (1837):

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя...

Очевидно, что князь Мышкин связывал основные изменения, произошедшие в мировоззрении европейского и русского человека, с событиями периода Великой французской буржуазной революции и наполеоновских войн.

Образ главного героя романа «Идиот» формировался в начале как своеобразный вариант Раскольникова³². В первоначальных материалах к «Идиоту» автором выделяется мотив гордости «главного характера»: «Главный характер Идиота. Самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешеное саморазрешение всего...» (9; 146). В черновых набросках к «Идиоту» Достоевским никак не была затронута наполеоновская тема, в отличие от набросков к «Преступлению и наказанию», «Подростку» или «Братьям Карамазовым», где имя Наполеона было специально записано автором. Мышкин согласно раннему замыслу должен был произнести такие слова: «Князь объявляет, когда женится на Н<астасье> Ф<илипповне>, что лучше одну воскресить, чем подвиги Александра Македонского» (9; 268). В окончательный текст эти слова героя о величайшем завоевателе античности не попали. Тотальное переосмысление писателем всего плана и отдельных характеров романа «Идиот» привело к вхождению в текст произведения упоминаний уже о другом завоевателе Нового времени — Наполеоне, причем в самом широком формате.

Собственное признание князя в его наполеонизме содержится в беседе с Аглаей, которая призывала его «воскресить» Настасью Филипповну (8; 363). В разговоре с ней в день своего рождения, отвечая на ее вопрос: «Чего вы опять улыбаетесь <...>, — вы-то об чем еще думаете про себя, когда один мечтаете? Может, фельдмаршалом себя воображаете и что Наполеона разбили?», — Мышкин, смеясь, признается: «Ну вот честное слово, я об этом думаю, особенно когда засыпаю, <...>, только я не Наполеона, а все авст-

рийцев разбиваю» (8; 354). Таким образом, Наполеоном, как великим полководцем, Мышкин сознает себя в своих снах, что однозначно отсылает нас к наполеоновской теме «Дядюшкиного сна», где после пробуждения другой князь, которого окружающие также неоднократно называют «идиотом» (2; 385, 389), будет претендовать на свое сходство с Наполеоном (2; 365).

Два князя-«идиота» (князь К. и князь Мышкин), как два подражателя Наполеона, имели особое значение для Ф.М. Достоевского. Так, по поводу слов Мышкина о том, что он во сне разбивает австрийцев, А.Г. Достоевская писала, что «Федор Михайлович имел часто тревожные сновидения: убийства, пожары и, главным образом, кровопролитные битвы. Во сне он составлял планы сражений и почему-то особенно часто разбивал именно австрийцев» (9; 453). К тому же, по воспоминаниям А.Г. Достоевской, писатель соотносил себя и с «молодым старичком», «мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя, из “Дядюшкиного сна”»³³. Дочь писателя Л.Ф. Достоевская также свидетельствовала об этом: «Примечательно, что отец дважды, в “Идиоте” и в “Дядюшкином сне”, изобразил себя в лице князя, то есть человека старой, наследственной культуры, и оба раза как дегенерата»³⁴. Ирония Достоевского в отношении собственного наполеонизма содержится в его письме к актрисе А.И. Шуберт от 14 марта 1860 г., где он признавался, что его «единственное сходство с Наполеоном» — «кошачий почерк» (28, II; 8). Лев Мышкин, лишенный общеизвестных наполеоновских способностей, наоборот, имеет талант, в котором отказано настоящему Наполеону³⁵ (как и Достоевскому), а именно в каллиграфии. Причем предметом его особой гордости являлось то, что он «перевел французский характер в русские буквы, что очень трудно» (8; 29). Как восхищенно сказал генерал Епанчин, рассматривая росчерки князя: «...а ведь тут карьера» (8; 30).

Повествователь «Идиота» относительно снов князя разъяснил читателю, что в сплетении нелепостей сна всегда заключается какая-то действительная мысль, нечто, принадлежащее к настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в сердце (8; 378). Эти слова убедительно подтверждают, что наполеонизм князя — вещь действительная и прочная — то, что заметно влияет на его поведение и суждения в различных вопросах. Мотив наполеонизма, который обнаруживается во сне, сближает Мышкина

с главным героем романа И.А. Гончарова «Обломов». Оба героя, которых сопоставлял между собой еще сам Достоевский, признавшийся типографскому наборщику М.А. Александрову: «...мой идиот лучше гончаровского... Гончаровский идиот — мелкий, в нем много мещанства, а мой идиот — благороден, возвышен»³⁶, — схожи своими снами-грезами, в которых видят себя великими полководцами, подобными Наполеону. В романе Достоевского об этом мы узнаем от самого героя. В романе Гончарова об этом сообщает за него автор: «Наутро опять жизнь, опять волнения, мечты! Он [Обломов] любил вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит...»³⁷.

Т.А. Касаткина прокомментировала признание Мышкина в том, что он разбивает австрийцев, следующим образом: «То есть князь отождествляет себя в шутку с Наполеоном, что подчеркивает мотив самозванчества, пришествия “во имя свое” в этом образе».³⁸ Самозванчество князя в полном смысле этого слова (а князь даже буквально имеет привычку приходить туда, куда его не зовут, например, первые посещения им дома Епанчиных, квартиры Настасьи Филипповны, дома Лебедева и т.д.) — тема, связанная не только с образом Наполеона, тем не менее, для нас важно именно это последнее. Когда Бонапарт был ровесником двадцатилетнего Мышкина³⁹, он совершал свое восхождение на пути к славе, командуя французской армией в Северной Италии, действующей против армии короля Сардинии и, главным образом, австрийцев. После победных сражений первой Итальянской компании (Монтенотте, Лоди, Арколе, Риволи и др.) у Наполеона, по его собственному признанию, появилась вера в свою звезду, обнаружилась первая искра честолюбия⁴⁰. Автор в описании нерусского плаща князя Мышкина, употреблявшегося скорее в «Швейцарии, или, например, в Северной Италии» (8; 6) подчеркивает ощутимую разницу, которая говорит о заведомом неуспехе миссии князя в России в качестве нового Наполеона: «Но что годилось и вполне удовлетворяло в Италии, то оказалось не совсем пригодным в России» (8; 6).

Нерусский костюм Мышкина, возможно, содержит скрытую отсылку и к другим наполеоновским образам. Так, генерал Епанчин говорит Лизавете Прокофьевне о недавно прибывшем князе следующее: «...одет странно, как-то по-немецкому» (8; 44). С по-

добным указанием на иноземную наружность столкнулся Раскольников, услышавший в самом начале «Преступления и наказания» обращенный к нему окрик одного пьяного, проезжавшего мимо на телеге: «Эй ты, немецкий шляпник!» (6; 7). Последняя фраза, как отметил Ю.М. Лотман⁴¹, ведет нас к кличке, которую дает в «Мертвых душах» кучер Селифан лукавому пристяжному коню из чичиковской «чудо-тройки»: «панталонник ты немецкий!»⁴². Важно, что этого же коня, который является своеобразным «двойником Чичикова» (Ю.М. Лотман), Селифан также называет: «варвар! Бонапарт ты проклятый!»⁴³. Все три случая описаний маркируют в героях (Чичикове, Раскольникове и Мышкине) присущее им чужеродное начало, оторванность от русской почвы и народных корней.

Сравнение Наполеона и Мышкина может сперва показаться натянутым, а два героя — полярными друг другу. Образ Наполеона имеет коннотацию непомерного властолюбия и тщеславия, а образ Мышкина долгое время рассматривался как напрочь лишенный этих качеств. Но мы знаем из слов самого Мышкина, что «очень часто только так кажется, что нет точек общих, а они очень есть... это от лениости людской происходит, что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего не могут найти...» (8; 24). Наполеон и Мышкин связаны в романе многими нитями, в том числе и «священной болезнью» — эпилепсией⁴⁴. Эпилепсией, как известно, будет страдать и другой почитатель Наполеона — «слабоумный идиот» Смердяков (характеристика прокурора, 15; 174), искренно жалеющий о том, что Наполеон проиграл свой Московский поход⁴⁵. Помимо этого, эпилепсия князя Мышкина увязана в романе с эпилепсией пророка Магомета. Момент перед самым началом своего эпилептического припадка князь сближает с той самой секундой, «в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы» (8; 189). Исследователи романа указывали на то, что и в самом образе героя отразились некоторые черты пророка Магомета⁴⁶. Важно, что образ Мышкина вновь подспудно возрождает аналогию «Наполеон-Магомет», играющую столь огромную роль в наполеоновской теории Родиона Раскольникова⁴⁷.

Даже имя главного героя романа «Идиот» в его французском варианте Léon (так будут называть Льва Мышкина дети в швей-

царской деревне (8; 62, 64)) как будто выходит из имени французского императора Napoléon⁴⁸. Сравнение Наполеона со львом широко применялось (сначала его современниками, а затем и позднейшими историописателями) как в положительном, так и в отрицательном смысле⁴⁹. В начале 1800-х годов парижская «Газета защитников отечества» и вовсе утверждала, что само имя «Наполеон» означает «львиная долина»⁵⁰.

Отчество главного героя — Николаевич только укрепляет ассоциацию с образом прославленного полководца. О значении имени Николай для понимания наполеоновской темы в «Преступлении и наказании» писал Б.Н. Тихомиров, анализируя образы двух Миколок «как полярные проявления народного духа». «Николай — “победитель народов” (греч.). Это прочтение вызывает ассоциацию с Наполеонами, “установителями и законодателями человечества” из раскольниковской теории, которые “были особенно страшные кровопроливцы”»⁵¹. Важно и то, что отца князя Мышкина, безвестного «армии подпоручика» (8; 8), «звали Николаем Львовичем» (8; 80) — не случайно, что в расслабленном уме генерала Иволгина имена сына и отца Мышкиных предстанут как двойники-перевертыши друг друга: последнего он по ошибке назовет «покойным князем Львом Николаевичем Мышкиным» (8; 92). Младший сын самого генерала Иволгина, к которому несчастный старик перед роковым «ударом» будет настойчиво обращаться с многозначительными словами: «le roi de Rome...» (титолом Наполеона II, сына императора Наполеона I, о котором тот говорил, что ему не останется ничего, кроме его прославленного имени), — также имеет в романе имя Николай. Имя Никола́ носил и вымышленный почитатель Наполеона солдат Шовен — популярный национальный герой во французской литературе XIX в. Этот выбор имени для яростного бонапартиста и «отца шовинизма» в свою очередь также имел под собой основания. Как пишет Ж. де Пюи-меж, «в художественной литературе того времени Никола, как и Жан (Жанно, Жан-голодранец), — типичное крестьянское имя. Достаточно вспомнить “Господина Никола” Ретифа де ла Бретона, созданного в конце XVIII века. Никола часто фигурирует в песнях, например в “Красавчике Никола Гру”, — герой которого — первый парень на деревне, осаждаемый невестами. Именно по этой причине ультрароялистская пропаганда в эпоху Реставрации переименовала Наполеона в Никола. Когда, направляясь на Эльбу,

император въехал в Авиньон, он был встречен криками: "Долой тирана! Долой Никола!"»⁵².

Уже не раз самыми разными исследователями подчеркивалось, что герой Достоевского князь Мышкин является тезкой Л.Н. Толстого, представившего в романе-эпопее «Война и мир» фигуру Наполеона в «разоблаченном» образе глупого и пустого позера. Возможно, что наделив своего героя именем, созвучным имени графа Толстого и отмечая в его характере черты наполеонизма, Достоевский тем самым вступил в скрытую полемику с автором «Войны и мира», противопоставив его нарочито упрощенному и сниженному восприятию личности Наполеона очень сложное и тонкое восприятие этого образа в лице князя Мышкина.

Не менее важна и фамилия главного героя «Идиота», которая вместе с его именем образует своеобразный семантический оксюморон. Как отметил Б.Н. Тихомиров, подобный ономастический прием был использован Достоевским в «Преступлении и наказании»⁵³ в имени героя-наполеониста Раскольников. Фамилия «Мышкин» может ориентировать на мотив ложного учения и самозванства, поскольку мышь, как и крыса, в христианской традиции являлась символом именно этого явления⁵⁴, непрошеным гостем для многих жилищ и распространителем страшной, губительной заразы⁵⁵. Проблема толкования имени Мышкина сложна и многократно затрагивалась исследователями (М.С. Альтман, А.М. Панченко, Б.Н. Тихомиров, К.А. Степанян, Т.А. Касаткина и др.). Нами приводится лишь одно из толкований, которое выглядит наиболее адекватным. В произведениях Достоевского образ мыши имеет чаще всего негативную коннотационность, хотя выражается это в самых различных формах (от «Записок из подполья», где с мышью себя сравнивал подпольный «Наполеон» (5; 104), до «Бесов», где мышь использовалась для «возмутительного кощунства» над иконой Богородицы (10; 252)). В одиннадцатой главе второй части романа «Идиот» генерал Епанчин в беседе с Мышкиным также употребил образ мыши (хотя и летучей) в качестве вестника страшной беды: «Да, да... а я все-таки боюсь! Не понимаю чего, а боюсь... В воздухе как будто что-то носится, как будто летучая мышь, беда летает, и боюсь, боюсь!..» (8; 262).

О наполеонизме Мышкина свидетельствует и тот выбор книг, которые он читал или читает в ходе действия романа. Известно, что несколько книг лежало на столе в комнате князя, когда наутро

после «вакхической песни и ссоры» (8; 402) с Лебедевым к нему пришел оскорбленный генерал Иволгин. Последний взял у Мышкина одну из книг, которую вернул ему при их второй встрече, когда между ними состоялся «важный разговор» о Наполеоне (8; 410). Как выяснилось, это была книга «Архива» — отдельный номер или сборник, содержащий статьи журнала «Русский архив», из которых особое внимание героев привлекла статья «старого солдата-очевидца о пребывании французов в Москве» (8; 410)⁵⁶. Немногим позже из диалога, сопровождающего рассказ генерала Иволгина о Наполеоне в 1812 году, становится ясно, что князь великолепно осведомлен в литературе, посвященной французскому императору, причем в литературе как мемуарной, так и собственно исторической. Не даром он добавляет к описаниям генерала новые факты и имена, поправляет или переспрашивает его, когда тот ошибается в изложении событий.

В ходе разговора князь также признается, что «очень недавно прочел книгу Шарраса о Ватерлооской кампании» (8; 415). Признание Мышкина важно по двум причинам. Во-первых, оно подтверждает что «очень недавно» герой читал не только статьи журнала «Русский архив», посвященные войне русских с Наполеоном, но и целые монографические исследования, посвященные отдельным военным кампаниям самого Наполеона. Во-вторых, оно в очередной раз свидетельствует и об особых читательских предпочтениях Мышкина по части истории, которой он, в целом, не интересовался. В этом он признался в день своего рождения, говоря, что плохо знает историю (8; 313); на это указывала ему и Аглая: «я заметила, что вы ужасно необразованны; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у вас: ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату? Вы очень жалки» (8; 430). Это означает, что изучение истории наполеоновского времени свидетельствует не столько об интересе князя к истории вообще, сколько о его интересе к одной теме — к «чудесному жребию» императора Наполеона.

В одиннадцатой главе четвертой части «Идиота» мы также узнаем о том, что князь Мышкин обнаруживает развернутым на столике в комнате Настасьи Филипповны роман Г. Флобера «Мадам Бовари» и затем, загнув открытую страницу, кладет его к себе в карман (8; 499). Роман этот, купленный Достоевским вместе с упомянутой книгой Ж.Б.А. Шарраса о битве при Ватерлоо (1-е изда-

ние: Charras Jean Baptiste Adolphe. Histoire de la campagne de 1815. Waterloo. Par le 1er colonel Charras. T. 1—2. — Bruxelles, 1858) в одном книжном магазине Баден-Бадена⁵⁷, содержит в себе множество обращений к наполеоновскому мифу. Один из сыновей г-на Оме даже был назван в честь Наполеона, имя которого представляло «в его семействе славу»⁵⁸. Поэтому понятно, что князю Мышкину, с особым вниманием относящемуся к литературе, затрагивающей эпоху или личность Наполеона, было интересно узнать отношение к этой теме другого почитателя Наполеона — генерала Иволгина, хотя наемный князь, вероятно, уже слышал из громкого и быстрого разговора Лебедева с генералом обрывки рассказа последнего о войне 1812 года (8; 402).

Книжка «Архива» со статьей очевидца войны 1812 года могла незамедлительно появиться у Мышкина сразу же после ссоры генерала с Лебедевым, которого в романе дважды аттестуют «превечитанным» (8; 165, 212) и который имел у себя на даче хорошую библиотеку, включавшую «превосходно переплетенные и почти новые» книги, которые их обладатель был готов поднести «с благоговением и почтительностью» (8; 212) и «за свою цену» тем лицам, в расположении которых он был заинтересован⁵⁹. Книжки по истории наполеоновских войн мог подобрать для Мышкина услужливый хозяин дачи по личной просьбе самого князя. Во всяком случае трудно предположить, что следивший за каждым шагом князя Лебедев об этой подборке книг ничего не знал.

Таким образом, делая Мышкину признание в том, что он «рожден Талейраном», Лебедев сознательно и с известной долей юмора пытался оправдать свои «низости» историческим примером предательства Наполеона Талейраном, что должно было, с одной стороны, польстить князю, а с другой стороны — высмеять его наполеоновские претензии. Подобный способ «ролевой игры» Лебедев уже использовал ранее, в разговоре с генералом Иволгиным, когда в ответ на его рассказ о службе камер-пажом у Наполеона в Москве 1812 г., сочинил фантастическую историю о собственном участии в той же войне, но с более трагическими последствиями. Несмотря на то, что Лебедев берет на себя роль Талейрана, исходя из своего иронического взгляда на наполеонизм князя и генерала, сравнение «Талейран-Лебедев» в романе «Идиот», несомненно, воспроизводит и обыгрывает некоторые реальные моменты из биографии исторического Талейрана, и значи-

тельно обогащает наше знание о явлении талейранизма в русской литературе XIX века.

Лебедев, «человек довольно хитрый и извилистый, а в некоторых случаях даже слишком коварно-молчаливый» (8; 406), появляется уже в первой главе романа в качестве «господина всезнайки», владеющего соблазнительной наукой о доходах, служебном положении, о дружеских и родственных связях наиболее представительных членов столичного общества. Автор подчеркивает, что тип всезнайки Лебедева довольно распространен: «Я видал ученых, литераторов, поэтов, политических деятелей, обретавших и обретших в этой же науке свои высшие примирения и цели, даже положительно только этим сделавших карьеру» (8; 8).

Добровольно принимая на себя роль «петербургского Талейрана» при Наполеоне-Мышкине, Лебедев ведет себя как прирожденный актер. Не случайно князь Мышкин говорит ему: «Ах, Боже, что, Лукьян Тимофеич, у вас все за роли!» (8; 406). Необходимо отметить, что разница в возрасте между Лебедевым и Мышкиным почти такая же, какая была между дипломатом Талейраном и генералом Бонапартом⁶⁰. Уже в начале романа Лебедев указывает на узелок Мышкина, не содержащий «заграничных свертков с наполеондорами» (8; 7). Указание на отсутствие наполеондоров⁶¹ в узелке князя, в котором, по мнению Рогожина и Лебедева «вся его суть заключается» (8; 7), безусловно, провоцирует князя на обнаружение его скрытого наполеонизма. Это обнаружение и происходит постепенно в ходе развития сюжетного действия романа.

Лебедев обладает поистине талейрановской способностью — всецело владеть беседой и создавать у других впечатление, что его услуги и посредничество решительно им необходимы. Уже при первом своем появлении в поезде под Петербургом Талейран-Лебедев «ввязывается» в разговор Мышкина и Рогожина. С усиленной важностью он демонстрирует свое всезнайство, всю беспокойную пытливость своего ума, когда разговор касается больших денег. Узнав о наследстве Рогожина, он так и повис над ним, «дыхнуть не смел, ловил и взвешивал каждое слово, точно бриллианта искал» (8; 10). На пути к намеченной цели пытливое чиновника не останавливают даже прямые угрозы физического воздействия:

«— А то, что если ты хоть раз про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то, вот тебе Бог, тебя высеку, даром что ты с

Лихачевым ездил, — вскрикнул Рогожин, крепко схватив его за руку.

— А коли высечешь, значит, и не отвергнешь! Секи! Высек, и тем самым запечатлел...» (8; 13)

Такое поведение Лебедева, который и позднее, не теряя «чрезвычайно довольного вида», будет говорить о своем общественном положении: «Всяк изощряется над ним и всяк вmale не пинком сопровождает его» (8; 168), — можно соотнести с оценкой Г. Гейне, данной Талейрану в статье о парижской художественной выставке 1831 года: «Это человек, которому можно было дать пинок в зад, а стереотипная улыбка все-таки не исчезала с его губ. Это человек, который четырнадцать раз изменил присяге и талантами которого в деле лжи пользовались все сменявшие друг друга правительства Франции, когда надо было совершить какое-нибудь убийственное вероломство...»⁶². Оценка Гейне, в свою очередь, возможно, восходит к словам наполеоновского маршала Ланна: «Когда говоришь с Талейраном и смотришь ему в лицо, никогда не заметишь, что его пинают в зад»⁶³.

Постепенно в разговоре трех пассажиров в тоне Лебедева появляется «победоносность» (8; 11), и в конце главы автор только констатирует факт: «Лебедев кончил тем, что достиг своего» (8; 14). Лебедев-Талейран, избравший себе первоначально «хозяином» Рогожина, увязался за ним с тем, чтобы стать его главным советником, разумеется, не бескорыстно. Так, когда шумная ватага рогожинцев явилась на ганечкину квартиру, Лебедев уже не отстаёт от Рогожина как тень, поддакивает ему и что-то нашептывает на ухо. В таком же ранге Лебедев предстает и во время посещения рогожинцами квартиры Настасьи Филипповны. Там он выступает «почти рядом с Рогожиным», отвечает за последнего из угла. Вместе с тем, он готов переменить хозяина на хозяйку, исходя лишь из ожидаемого денежного вознаграждения. В этой своей страсти к богатству он схож не только со своим историческим прототипом, который неоднократно высказывал совет: «Прежде всего — не быть бедным»⁶⁴, но и с литературным тургеневским типом «уездного Талейрана» — Шпигельским. Однако если последний у Тургенева только говорит о том, что готов поклониться чужому «из пятнадцати, изо ста тысяч», то Лебедев реально ползает на коленях перед камином, в котором горят сто тысяч, брошенные туда Настасьей Филипповной.

Многое открывает и разговор князя Мышкина с Лебедевым на квартире последнего, куда князь приходит после полугодового отсутствия в Петербурге. Лебедев заманивает князя к себе на дачу, причем делает это ненавязчиво, а так, будто об этом попросил его сам князь — в этом вновь проявляется его талейранизм. Стоит вспомнить один характерный диалог французского императора и его министра иностранных дел: «"Вы король беседы в Европе. Каким же секретом вы владеете?" — спросил однажды Наполеон у Талейрана. Тот ответил: "Когда вы ведете войну, вы всегда выбираете ваши поля сражений?.. И я выбираю почву для беседы. Я соглашусь только с тем, о чем я могу что-либо сказать. Я ничего не отвечаю... В общем, я не позволю задавать себе вопросы никому, за исключением вас. Если же от меня требуют что-то, то это именно я и подсказал вопросы"»⁶⁵. Действительно, автор замечает, что Лебедев только и подводил к тому, чтобы князь сам захотел переехать к нему на дачу: «"Целое столкновение и целый новый оборот дела" представился вдруг воображению его. Предложение князя он принял чуть не с восторгом, так что на прямой вопрос его о цене даже замахал руками» (8; 169).

В этой же главе Лебедев вспоминает о терроре времен Великой французской революции. Для Лебедева в роли Талейрана это приобретает особое значение, поскольку последний, успев избежать гильотины, был живым свидетелем этих грозных событий и впоследствии часто обращался к воспоминаниям о дореволюционной Франции со словами: «Кто не жил в годы, близкие к 1789-му, тот не знает, что такое радость жизни»⁶⁶. В этом смысле совсем не беспочвенны вопросительные слова племянника Лебедева, обращенные к его дяде, что только один он и знает, «что такое была она, Дюбарри?» (8; 164) В своей ипостаси Талейрана Лебедев мог претендовать на такую исключительность. Еще в молодом возрасте Ш.М. Талейран посещал в числе других знатных молодых людей салон фаворитки Людовика XV госпожи Дюбарри и был с нею лично знаком⁶⁷.

Отношения Наполеона-Мышкина и Талейрана-Лебедева представляют собой картину доверчивости первого и коварства последнего. Уже в подготовительных материалах к роману «Идиот» Достоевский записал: «Лебедев и князь. Семейство Лебедева. Лебедев — философ. Бесперывно надувает Князя. Черта его» (9; 221) — намеченная линия проходит через весь роман. «Рожден-

ный Талейраном» Лебедев служит нескольким господам: Рогожину доносит на князя, а князю на Рогожина, шпионит и обманывает князя, участвует во всевозможных интригах так, что князь Мышкин даже скажет ему: «...вы ужаснейший интриган!» (8; 406). (Ср. со словами Наполеона о Талейране: «Это — человек интриг, человек большой безнравственности, но большого ума и, конечно, самый способный из всех министров, которых я имел»)⁶⁸. Тем не менее, Лев Николаевич не покидает дачи Лебедева и остается почти доволен его гостеприимством. Это обстоятельство проявляется тем, о чем писал в своих мемуарах реальный князь Беневентский: «Поведение Наполеона в отношении меня отличалось той странностью, что именно в те периоды, когда у него было больше всего подозрений против меня, он стремился приблизить меня к себе»⁶⁹.

«Преначитанный» Талейран-Лебедев, любивший употреблять в своей речи французские слова и словечки, а иногда и высказывать «французские мысли», вроде Вольтеровой мысли о дьяволе (8; 311), обладает и другой способностью — скрывать свои мысли с помощью своего языка, говорить много и никогда не говорить всего. Князь Мышкин в разговоре с генералом Иволгиным отметил в Лебедеве «хитрый, а иногда и забавный ум» (8; 410). При этом в характере Лебедева наличествует и свойственное талейранизму стремление извлечь выгоду из любых ситуаций. Он сам признается Мышкину: «...и слова, и дело, и ложь, и правда — все у меня вместе, и совершенно искренно. Правда и дело состоят у меня в истинном раскаянии, верьте не верьте, вот поклянусь, а слова и ложь состоят в адской (и всегда присущей) мысли, как бы и тут уловить человека, как бы и чрез слезы раскаяния выиграть! Ей-Богу, так!» (8; 259).

Во второй части романа Лебедев предстает как опытный экзегет, занимающийся толкованием Апокалипсиса уже «пятнадцатый год» (8; 167, 202). Апокалипсическая тема, широко представленная в романе, неизбежно перекликается и с темой наполеоновской. Еще И.В. Гете замечал об этой связи: «Легенда о Наполеоне представляется мне чем-то похожей на Откровение Иоанна Богослова: каждый чувствует, что за этим скрывается еще что-то, только никто не знает что»⁷⁰. Толкование Лебедевым Откровения Иоанна Богослова позволяет увидеть в его положении Талейрана при Мышкине-Наполеоне глубокий религиозный мотив, поскольку для

большинства христиан положение Талейрана при Наполеоне виделось как служба епископа-расстриги у антихриста. В России анафема Наполеону как самозваному «лжемессии» объявлялась трижды (в 1806, 1812 и 1815 гг.)⁷¹. На Западе антихристианская сущность французского императора была выражена в двух буллах римского папы Пия VII об отлучении Наполеона от Церкви (в 1809 и 1813 гг.)⁷². В начале XIX века в имени Наполеона было даже обнаружено число зверя. Профессор Дерптского университета В.Ф. Гецель в письме военному министру М.Б. Барклаю де Толли от 11 июня 1812 г. с использованием французского алфавита доказывал, что «Наполеон есть тот зверь, который в Апокалипсисе числом “666” означается»⁷³. Подобные подсчеты, связанные с именем Наполеона, делал (хотя и весьма произвольно) Пьер Безухов в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», отдавая дань царившим тогда настроениям в высшем российском обществе⁷⁴.

Скрытое указание на Мышкина как на антихриста можно также обнаружить в тексте романа «Идиот», в словах Лебедева. В начале второй части романа Мышкин посещает его квартиру, где между ними происходит разговор, в котором Лебедев, в числе прочего, распространяется о своем таланте экзегета. Когда его спрашивают: «Правда ли, что ты профессор антихриста?», то он отвечает: «”Аз есмь, говорю”, и изложил, и представил, и страха не смягчил, но еще мысленно, развернув аллегорический свиток, усилил и цифры подвел. И усмехнулись, но на цифрах и на подобиях стали дрожать, и книгу просили закрыть, и уйти, и награждение мне к святой назначили, а на Фоминой Богу душу отдали» (8; 168). Это искусство «подведения цифр» позволяет Лебедеву делать намеки на звериное начало в Мышкине. Так, он делится с князем следующим воспоминанием: «Тот [Рогожин] уже минуты считал, а она [Настасья Филипповна] сюда в Петербург и прямо ко мне: “Спаси, сохрани, Лукьян, и князю не говори...” Она, князь, вас еще более его боится, и здесь — премудрость! И Лебедев лукаво приложил палец ко лбу» (8; 166). Можно предположить, что эта фраза содержит аллюзию на слова из Откровения Иоанна Богослова, где словосочетание «здесь мудрость» употребляется всего один раз в следующем контексте: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его — шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18). Из одного этого, конечно, нельзя делать вывод о том что Мышкин является антихри-

стом, но необходимо признать, что именно в таком качестве князь на какой-то миг предстает перед «профессором антихриста» Лебедевым, а возможно, и перед Настасьей Филипповной, которую Лебедев после одного разговора даже «Апокалипсисом стал отчитывать» (8; 167).

Сам Мышкин очень проникновенно заговаривает об антихристе на вечернем собрании у Епанчиных: «По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?!» (8; 450—451). В тираде князя явление антихриста прочно увязано с римской идеей могучего государства, с продолжением Западной Римской империи. Римская идея всемирного владычества в христианской традиции вступает в определенную связь с эсхатологией. Именно с падением римского царства, как последнего из четырех всемирных царств, согласно известной средневековой теории, предложенной еще Иеронимом, одобренной Августином Блаженным и опирающейся на предания ветхозаветных пророков, должна была завершиться история. Поэтому не только папы, но и могучие основатели империй в Европе, начиная с Карла Великого и Оттона I Великого, стремились подчеркнуть преемственность своей власти с павшей в V в. Западной Римской империей и претендовали на роль представителей истинного Рима. История Средневековья была особенно наполнена сюжетами жестокой борьбы пап и императоров за политическое главенство и идеологическое влияние в странах Европы. Об известном случае такого противостояния в лице императора Священной Римской империи Генриха IV и папы Григория VII (Гильдебранта) упоминает в романе Настасья Филипповна в разговоре с Рогожиным, о чем тот и сообщает князю (8; 176).

Интересующей нас фигурой в контексте поднятой проблемы является фигура Наполеона I, который неизменно придерживался мнения о приоритете императорской власти над властью пап. Попытки малейшего сопротивления папы Пия VII претензиям Наполеона на священный и главенствующий характер его власти вы-

зывали вспышки ярости у последнего, в одной из которых он написал в письме к вице-королю Италии, пасынку Э. Богарне следующее: «Сын мой, в послании Его Святейшества <...> я увидел угрозу себе. Неужели он считает, что в глазах Господа права на трон менее священны, чем права на тиару? Но ведь короли появились задолго до пап. Они хотят разоблачить меня перед всем христианством. Каково! Такая глупая мысль может объясняться лишь тем глубоким невежеством века, в котором мы живем. Ошибка, которой тысяча лет. Папа, который решится на подобный демарш, перестанет быть таковым в моих глазах. В таком случае я стану относиться к нему как к антихристу, посланному сюда, чтобы взбаламутить мир...»⁷⁵. После отлучения Наполеона от церкви французский император обрушился на действия папы со следующей инвективой: «Вы исповедуете религию Папы Григория VII? Я нет. Я придерживаюсь учения Иисуса Христа, который сказал: “Дайте кесарю кесарево”, и, повинувшись Евангелию, я даю Богу Богово. Мой скипетр дан мне Богом. Я несу мирской меч и умею с ним управляться. Троны воздвигает Бог. Не я сел на свой трон: на него посадил меня Господь! А вы, простые смертные, хотите этому воспротивиться? Не хотите молиться за своего монарха из-за того, что римский священник отлучил его от церкви? Вы думаете, я создан для того, чтобы целовать туфлю Папе? Докажите-ка мне, глупцы, что Иисус назначил Папу своим наместником на земле и что тот имеет право отлучать от церкви монархов!...»⁷⁶. Князь Мышкин, замороженный наполеоновским мифом, фактически солидаризируется с мнением Наполеона, относясь к папе, как к антихристу. Вместе с тем, герой высказывает мысли о характере папства, схожие с теми, которые разделял автор «Дневника писателя».

Достоевский видел в споре Наполеона и папы лишь продолжение давнего спора «сильных мира сего» за право считать себя полновластным обладателем одного из даров дьявола — всех царств земных. С принятием этого дара и доведением до конца великого дела объединения всего человечества в единое послушное стадо должно было, по мнению Великого Инквизитора, «восполниться» все, «чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроить-

ся непременно всемирно» (14; 234—235). В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский прямо указал на амбиции римского папы стать подлинным владыкой всего мира и всех царей земных, «царем над царями и господином над господствующими» (22; 89), т.е. речь идет о подмене собою Христа. Аллегорически писатель касался спора Наполеона и папы за примат своей власти над миром еще в повести «Дядюшкин сон», где князь К. сблизжает в навязчивой идее своей собственной похожести две другие идеи-образа: римского папы и императора Наполеона, причем и Мозгляков, и сам дядюшка признают несомненный приоритет последнего:

«— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.
— Ну да, это en face. Я впрочем, и сам то же думаю, мой милый» (2; 365).

В связи с вышеизложенным, важно понять взгляды Мышкина на проблему всемирного и счастливого устройства человечества. Т.А. Касаткина, указывая на связь образа Наполеона с мотивом земного рая, который хотят построить и обрести герои романа, выделяет в числе прочих символов земного рая город Неаполь, обращая при этом внимание на то, что «Наполеон буквально значит “из Неаполя”». ⁷⁷ Наиболее значимым упоминанием Неаполя в романе является следующее признание князя Мышкина генеральше и девицам Епанчиным: «Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы... Вот тут-то, бывало, и зовет все куда-то, и мне все казалось, что если пойти все прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумнее чем у нас; такой большой город мне все мечтался, как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь... Да мало ли что мечталось! А потом мне показалось, что и в тюрьме можно огромную жизнь найти» (8; 51). В этом признании изложено одно из первых высказываний князя относительно его «главной идеи», которую он так боялся скомпрометировать впоследствии. Слова эти были навеяны герою воспоминаниями о беспокойстве в связи с мыслью об испытании собственной судьбы: «Сначала, с самого начала, да, позывало, и я впадал в большое беспокойство. Все думал, как я буду жить; свою судьбу хотел испытать, особенно в иные минуты бывал беспокоен» (8; 50). Важно и то, что почти сразу же после

этого признания герой высказался несколько определеннее в ответ на замечание Аделаиды:

«— Это все философия, — заметила Аделаида, — вы философ и нас приехали поучать.

— Вы, может, и правы, — улыбнулся князь, — я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать... Это может быть; право, может быть» (8; 51).

Таким образом, наполеонист Мышкин думает о «поучении» людей, о земном рае для человечества (рае, непременно, с сильным шумом, с громом и дворцами), однако и здесь его мысль отстраняется на тюрьме, на «мертвом доме», на оковах, которые, возможно, представляются ему неизбежной расплатой для ново-явленного Прометея, стремящегося изменить сложившийся миропорядок. Судьба Наполеона, с которым соотносит себя Мышкин и который закончил свои дни в качестве узника англичан (о вынужденном обращении поверженного Наполеона к англичанам в романе упоминает Ипполит (8; 334)), лишь служила подтверждением этой мысли героя.

Талейран-Лебедев в четвертой части романа путем интриг участвует и в том, чтобы брак Наполеона-Мышкина с Настасьей Филипповной не удался. В этом также можно усмотреть отзвуки реального события, когда Талейран весьма успешно помешал реализации «русского» проекта брака Наполеона на сестре императора Александра I, великой княжне Анне (французский император в итоге женился на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе). Примечательно, что «Талейраном» Лебедев объявляет себя как раз незадолго до так и не состоявшегося брака, «почти уже в день свадьбы» (8; 487). Келлер в последние дни безуспешно старался открыть Мышкину-Наполеону глаза на происходящее: «Этот Лебедев интригует против вас, князь, ей Богу! Они хотят вас под казенную опеку взять, можете вы себе это представить, со всем, со свободною волей и с деньгами...» (8; 487).

Мышкин в каком-то смысле повторяет неудачу Наполеона в России. В своих снах он способен по-наполеоновски разбивать австрийцев в Европе, кое-что получается у него и в Швейцарии, но в России он постоянно промахивается и ошибается, и его планы всеобщего счастья разбиваются при столкновении с русской действительностью 60-х годов XIX столетия подобно хрупкой и прекрасной китайской вазе на вечере у Епанчиных. Несовместимость заграничных ре-

цептов общественного благополучия с российскими духовными запросами великолепно прочувствовала Лизавета Прокофьевна Епанчина, критикующая заграничный, европейский уклад жизни: «Хлеба видне испечь хорошо не умеют, зиму, как мыши в подвале, мерзнут...» (8; 510). Последнее образное сравнение героини, произнесенное над помещанным князем в самом конце романа «Идиот», отсылает нас к откровениям человека из подполья, также зараженного особым, «подпольно-мышинным» наполеонизмом⁷⁸.

В романе «Идиот» наиболее глубоко была раскрыта природа Талейрана как типа литературного героя, не только в творчестве Достоевского, но и во всей русской литературе. Символическое имя Талейрана указывает на одну из важных сторон многопланового образа Лебедева и на одну из мощных сюжетных линий романа «Идиот», связанную с наполеоновским мифом. Без учета «талейрановского следа» понимание текста Достоевского было бы менее полным и менее адекватным авторскому замыслу. Отмечаемый ранее исследователями статус Лебедева как «хозяина» и «владельца» князя Мышкина⁷⁹, может рассматриваться на нескольких уровнях осмысления текста, один из которых представлен в настоящей работе.

Примечания

- ¹ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». — М., 1996. — С. 368.
- ² Мережковский Д.С. Наполеон. — М., 1993. — С. 51.
- ³ Шатобриан Ф.Р. де Замогильные записки. — М., 1995. — С. 577.
- ⁴ Там же. — С. 312.
- ⁵ Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой, 1794—1820. — М., 2005. — С. 87.
- ⁶ Беранже П.-Ж. Моя биография // Беранже П.-Ж. Избранное. — М., 1979. — С. 224.
- ⁷ Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. — Т. 9. — Л., 1959. — С. 179.
- ⁸ Цит. по кн.: Талейран. Мемуары. — М., 1959. — С. 4.
- ⁹ См.: Гречаная Е.П. Творец чужой славы: Анри де Латуш // Французская литература 30 — 40-х годов XIX века: «Вторая проза» / Отв. ред. А.Д. Михайлов. — М., 2006. — С. 303.
- ¹⁰ Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. — Кн. 2. — М., 2003. — С. 748.
- ¹¹ См.: Смирнова-Россет А.О. Записки. — М., 2003. — С. 82.
- ¹² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 т. — Т. 4. — Л., 1981. — С. 146.

¹³ Гюго В. «Наполеон Малый» // Гюго В. Собрание сочинений в 15 т. — Т. 5. — М., 1954.

¹⁴ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. — Т. 11. — М., 1957. — С. 15.

¹⁵ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Сочинения в 15 т. — Т. 3. — М.; Л., 1962. — С. 93.

¹⁶ Там же. — С. 55.

¹⁷ Там же. — С. 55, 89.

¹⁸ Там же. — С. 122.

¹⁹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Сочинения в 15 т. — Т. 6. — М.; Л., 1963. — С. 143.

²⁰ Писемский А.Ф. Собрание сочинений в 9 т. — Т. 3. — М., 1959. — С. 112.

²¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. — Т. 8. — М., 1981. — С. 146.

²² Переписка И.С. Тургенева в 2 тт. — Т. 2. — М., 1986. — С. 169.

²³ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. — Т. 11. — М., 1959. — С. 161.

²⁴ В библиотеке писателя было немало сочинений, посвященных Наполеону, на русском и иностранных языках. К сожалению о ее составе мы можем судить лишь весьма приблизительно, поскольку многие книги были распроданы при жизни Достоевского и после его смерти, а то и вовсе не сохранились. Известно, что в библиотеке Достоевского имелись следующие книги: 1) Соловьев С.М. Император Александр Первый: Политика-дипломатия. СПб., 1877; 2) Шлоссер Ф.К. Всемирная история Ф.К. Шлоссера: Т. 1—18 / Под ред. Н.Г. Чернышевского и В.А. Зайцева. СПб., 1861—1869 или: История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи. С особенно подробным изложением хода литературы. Ф.К. Шлоссера, профессора истории при Гейдельбергском университете. Пер. с 4-го исправленного издания: Т. 1—8. СПб., 1858—1860; 3) Решение еврейского вопроса во Франции и послужившие ему основанием Декреты Великого Синедриона. Петра Чугаевича. Декреты Великого Синедриона, собиравшегося в Париже первого Адаря месяца 5567 года от сотворения мира (в феврале 1807) под покровительством Наполеона Великого. Киев, 1874; 4) Charras Jean Baptiste Adolphe. Histoire de la campagne de 1815. Waterloo. Par le 1er colonel Charras. Т. 1—2. Bruxelles, 1858 или другие издания этого сочинения; 5) Charras Jean Baptiste Adolphe. Histoire de la guette de 1813 en Allemagne... Leipzig, 1866; 6) Chateaubriand, Francois René de. Mémoires d'outre-tombe, par Chateaubriand. Т. 1—6. Bruxelles, 1849—1850 или другие издания этого сочинения. Помимо этого в библиотеке Достоевского имелись труды по истории французской революции И. Тэна, А. Тьера и др. (Подробнее см.: Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. — СПб., 2005).

²⁵ «Не усердствуйте, господа, поменьше усердствуйте!» (франц.)

²⁶ Бальзак О. де. Евгения Гранде / Пер. Ю. Верховского // Бальзак О. де. Евгения Гранде. Музей древностей. — М., 1979. — С. 13.

²⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Издание в авторской орфографии и пунктуации / Под ред. В.Н. Захарова. — Т. 1. — Петрозаводск, 1995. — С. 425.

²⁸ См.: Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 1. — Л., 1974. — С. 209—212; Альми И.Л. К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 10. — СПб., 1992. — С. 163—172; Волгин И.Л. «Родиться в России...» Достоевский и современники: жизнь в документах. — М., 1991. — С. 151—153; Подосокорский Н.Н. «Рожденный Талейраном» (Образ Лебедева в свете талейрановской легенды) // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. — Великий Новгород, 2006. — С. 256—268; Подосокорский Н.Н. Наполеонизм князя Мышкина // Литературоведческий журнал. Секция языка и литературы РАН. ИНИОН РАН. — 2007. — № 21. — С. 113—125; Подосокорский Н.Н. Наполеоновский миф в романе «Идиот»: биография генерала Иволгина // Русская литература. — 2009. — № 1. — (в печати); Подосокорский Н.Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 19. — СПб., 2009 — (в печати).

²⁹ Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. — М., 1993. — С. 240

³⁰ Там же. — С. 241.

³¹ Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. — Т. 3. — Л., 1957. — С. 255.

³² Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. — Новосибирск, 1981. — С. 99.

³³ Достоевская А.Г. Воспоминания. — М., 1987. — С. 107

³⁴ Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. — СПб., 1992. — С. 195.

³⁵ Вот что пишет о почерке Наполеона Э. Людвиг: «Его почерк — это ряд энергичных сокращений мышц руки, не успевающих за мыслью, своего рода невольная стенография, в которой некоторые места и после ста лет изучения остались нерасшифрованными». (Людвиг Э. Наполеон. / Пер. с нем. Е. Михелевич. — М., 1998. — С. 470—471).

³⁶ Александров М.А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. В 2-х тт. — Т. 2. — М., 1990. — С. 13.

³⁷ Гончаров И.А. Собрание сочинений в 6 т. — Т. 4. — М., 1972. — С. 68.

³⁸ Касаткина Т.А. Комментарии // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. — Т. 4. — М., 2003. — С. 683.

³⁹ Свой возраст — 26 лет — князь уточняет в разговоре с генералом Епанчиным (8; 24). Столько же лет было другому наполеонисту — герою

сентиментального романа Достоевского «Белые ночи» (2; 107), мечтающему в числе прочего о «сражении при Березине» (2; 116).

⁴⁰ Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения. Речи / Предисл. Е.В. Тарле. — М., 2003. — С. 86.

⁴¹ Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958—1993). — СПб., 2005. — С. 721.

⁴² Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. — Т. 5. — М., 1984. — С. 38.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Об эпилепсии Наполеона см.: Ковалевский П.И. Наполеон I и его гений // Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы и истории в 2 т. — Т. 2. — М., 1995.

⁴⁵ О наполеоновской теме в романе «Братья Карамазовы» см.: Подосокорский Н.Н. Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. — М., 2007. — С. 98—114.

⁴⁶ См., например: Касаткина Т.А. Комментарии // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. — Т. 4. — С. 634.

⁴⁷ См.: Подосокорский Н.Н. Об аналогии «Наполеон-Магомет» в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и современность. Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 года. — Великий Новгород, 2007. — С. 234—244.

⁴⁸ Именно так, Леон (Léon), половиной своего прославленного имени, Наполеон назвал и своего первого незаконного сына от лектрисы Каролины Мюрат — Элеоноры Денюэль де ла Плень, который родился в 1806 г. (См.: Кирхейзен Г. Женщины вокруг Наполеона. — Тольятти, 1993. — С. 194—195; Массон Ф. Наполеон и женщины. — М., 2007. — С. 142—143).

⁴⁹ К примеру, сэр Вальтер Скотт писал о нем в начальный период его карьеры: «Он был подобен молодому, полному сил льву, который, беспощадно истребляя стада и охотников, полностью забыл о родимой скалистой пещере». (Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов: В 2 т. — Т. 1. — М., 1995. — С. 98.). Наоборот, графиня Анна Потоцкая писала о Наполеоне в период «ста дней»: «Лев только притворился мертвым и теперь, грозно рыча, встал во всем своем великолепии». (Потоцкая А. Указ. соч. — С. 243). Д.Г. Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» сожалел о поражении Наполеона при Ватерлоо: «Как? Волку льстить, покончив с мощью Льва?» (Байрон Д.Г. Собрание сочинений в 4 т. — Т. 2. — М., 1981. — С. 204).

⁵⁰ Бауман А. Наполеон Бонапарт: парадоксы триумфатора // Саундерс Э. Сто дней Наполеона. — М., 2002. — С. 407.

⁵¹ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. — СПб., 2005. — С. 111.

⁵² Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Пер. с фр. В.А. Мильчиной. — М., 1999. — С. 39.

⁵³ Тихомиров Б.Н. Указ. соч. — С. 90.

⁵⁴ Показательно, в этом смысле, изображение мыши как символа самозванства в центральной части триптиха И. Босха «Сад земных наслаждений».

⁵⁵ Дж. Холл пишет о крысе и мыши как «символе разрушения и разложения, потому — проходящего времени» (Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. — М., 2004. — С. 321). Х. Кирло замечает, что «мышь — средневековый символ, связывается с дьяволом» (Кирло Х. Словарь символов. — М., 2007. — С. 236). Г. Бидерманн поясняет более подробно связь мыши и дьявола: «Негативный аспект образа мышей основывается на наблюдении, что они не только уничтожают съестные запасы (Аполлон Сминтейский в античности и св. Гертрудис в христианстве должны были от этого защищать), но вместе с крысами могут переносить эпидемические заболевания. Из-за этого они стали символами враждебных человеку сил и дьявольских духов» (Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. — М., 1996. — С. 174).

⁵⁶ Скорее всего имеется в виду статья: «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца, штатного служителя Семена Климыча», опубликованная в четвертом выпуске журнала «Русский архив» за 1864 г. Об этой статье см.: Подосокорский Н.Н. Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 19. — СПб., 2009 — (в печати).

⁵⁷ Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. — С. 141.

⁵⁸ Флобер Г. Госпожа Бовари // Флобер Г. Госпожа Бовари. Воспитание чувств: Романы / Пер. с фр. Н. Любимова, А. Федорова. — М., 2006. — С. 117.

⁵⁹ А вот что пишет о библиотеке Талейрана его биограф Ю.В. Борисов: «Кстати, книги не представляли для Талейрана только духовную ценность. Ведь собрание книг могло быть и капиталом. Его интересовали и редкие, дорогие издания с мастерски выполненными переплетами. Впоследствии о библиотеке Талейрана говорили: “Странная подборка разнообразных книг как светских, так и священных, как скептических или атеистических, так и христианских и ортодоксальных; полки, переполненные произведениями благочестивыми и легкомысленными, здесь и Град Божий и Град земной, сатана и политика”» (Борисов Ю.В. Шарль-Морис Талейран. — М., 1986. — С. 14).

⁶⁰ Наполеон Бонапарт родился в 1769 г., а Талейран — в 1754 г., Мышкин же — молодой человек лет 26—27, Лебедев — лет сорока. Таким образом, разница в возрасте в обоих случаях составляет 14—15 лет.

⁶¹ Наполеондор как монета-символ появляется в художественных произведениях Ф.М. Достоевского всего три раза и всегда в связи с образами героев-наполеонистов (Семен Прохарчин, Лев Мышкин, Ипполит Терен-

тьев). См. об этом подробнее: Подосокорский Н.Н. Наполеоновская тема в «Господине Прохарчине» // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. — Великий Новгород, 2008. — С. 180—181.

⁶² Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. — Т. 5. — Л., 1958. — С. 182.

⁶³ Цит. по: Людвиг Э. Указ. соч. — М., 1998. — С. 296.

⁶⁴ Тарле Е.В. Талейран // Тарле Е.В. Наполеон. Талейран. — М., 2003. — С. 437.

⁶⁵ Цит. по: Борисов Ю.В. Указ. соч. — С. 158.

⁶⁶ Там же. — С. 15.

⁶⁷ См.: Тарле Е.В. Указ. соч. — С. 435.

⁶⁸ Там же. — С. 465.

⁶⁹ Талейран. Указ. соч. — С. 282.

⁷⁰ Цит. по: Людвиг Э. Указ. соч. — С. 9.

⁷¹ Об антинаполеоновской церковной проповеди см: Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. — М., 2007. — С. 57—91.

⁷² См.: Мельникова Л.В. Указ. соч. — С. 315—318.

⁷³ [Гецель В.Ф.] Письмо профессора Дерптского университета В.Ф. Гецеля военному министру М.Б. Барклаю де Толли. (Приложение III) // Мельникова Л.В. Указ. соч. — С. 307—308.

⁷⁴ Толстой Л.Н. Война и мир. Том третий // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. — Т. 6. — М., 1980. — С. 84—85.

⁷⁵ Цит. по кн.: Кастело А. Наполеон. — М., 2004. — С. 167.

⁷⁶ Цит. по: Людвиг Э. Указ. соч. — С. 324.

⁷⁷ Касаткина Т.А. Комментарии // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. — Т. 4. — С. 658.

⁷⁸ См.: Назиров Р.Г. Наполеон из подполья // Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. — Саратов, 1982. — С. 52—69.

⁷⁹ Касаткина Т.А. Лебедев — хозяин князя // Достоевский и мировая культура. Альманах № 13. — СПб., 1999. — С. 56—66.